

зя Горчакова и его товарища Н. К. Гирса. Но оба государственные люди вполне одобрили мою проповѣдь соглашенія съ Англіей по азіатскимъ дѣламъ. По ихъ приказанію въ официальномъ французскомъ органѣ министерства иностранныхъ дѣлъ было выражено полное сочувствіе моимъ мыслямъ.

И этого мало: отъ маститаго англійскаго премьера Гладстона, отъ сэра Чарльза Дилка и другихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей я получилъ одобрительныя письма, выражавшія полную симпатію моей мысли объ англо-русскомъ соглашеніи. Известно, что даже лордъ Сольсбери составилъ подробный планъ такого соглашенія.

Однако не раньше, какъ въ 1907 г. наконецъ-то состоялось заключеніе такого соглашенія съ Англіей!

Эта маленькая историческая справка не имѣетъ цѣлью касаться текущихъ политическихъ вопросовъ. Но въ заключеніе я не могу не ставить вопроса, который самъ собою напрашивается: если бы соглашеніе съ Англіей установилось лѣтъ десять назадъ, то возникла ли бы наша война съ Японіей?

Ф. Мартенсъ.

О колонизаціи Туркестана.

Плохо идетъ заселеніе Туркестанскаго края!

Хуже, чѣмъ въ какой-либо другой изъ нашихъ обширныхъ окраинъ. Со всѣхъ сторонъ создаются препятствія къ расширенію колонизаціоннаго дѣла какъ со стороны туземцевъ, враждебныхъ русскому пришлому элементу, такъ и со стороны мѣстной администраціи, недовѣрчиво относящейся къ дѣйствіямъ новыхъ переселенческихъ партій. Слѣдующій фактъ краснорѣчиво говоритъ объ этомъ недовѣріи. Въ Семирѣченскомъ районѣ, составляющемъ сѣверную часть Туркестана, находится теперь свыше 23,000 душъ мужского пола, кромѣ женщинъ и дѣтей, нестроенныхъ переселенцевъ, ожидающихъ, какъ манны небесной, на-

дѣленія землею. Ждутъ эти пришлые безземельные люди земли для себя уже давно, нѣкоторые около 20 лѣтъ. Завѣдующій семирѣченской переселенческой партіей, вынужденный устроить этихъ постигъ несчастныхъ людей, закончилъ въ минувшемъ году подготовительныя работы по заготовкѣ 36 участковъ, площадью около 300,000 дес., для водворенія на нихъ 28,583 душъ. Такъ какъ по закону въ Семирѣченской области земли составляютъ собственность государства, находясь въ безсрочномъ пользованіи Киргизовъ, и подъ переселеніе поступаютъ только признаваемые излишними для кочевниковъ земли, то были выработаны нормы обезпеченія Киргизовъ землею по всѣмъ 126 волостямъ Семирѣченской области на основаніи обслѣдованія нѣсколькихъ тысячъ киргизскихъ хозяйствъ и матеріаловъ, собранныхъ различными изслѣдователями Семирѣчья, а равно мѣстнымъ областнымъ статистическимъ комитетомъ. Казалось бы, всѣ мѣры были приняты, чтобы интересы Киргизовъ не нарушались, и земель для нестроеннаго населенія заготовлено достаточно. Осталось рассмотреть и утвердить нормы и поскорѣе внести проекты 36 участковъ на разсмотрѣніе временныхъ комиссій, которыя могли бы ихъ утвердить для заселенія изголодавшихся переселенцевъ, какъ это дѣлается въ сибирскихъ губерніяхъ (на основаніи правилъ 1893 года). Но для степей все сложнее. По особому циркуляру соответствующій районъ, прежде назначенія комиссій для образованія участковъ, долженъ быть открытъ высшей властью края, какъ заключающій излишнія для Киргизовъ земли. Выясненіе такихъ излишковъ сразу для всего Семирѣчья было не подъ силу партіи, располагавшей незначительными кредитами на статистику. Между тѣмъ масса нестроенныхъ переселенцевъ требовала скорѣйшаго отвода участковъ и потому партія опредѣляла излишки попутно съ землеотводными работами. А для того, чтобы предоставить возможность

власти сознательно отнестись къ дѣлу образованія участковъ, было рѣшено немедленно внести участки во временныя комисіи и съ заключеніемъ послѣднихъ черезъ общее присутствіе областного правленія представить на утвержденіе генералъ-губернатору. Въ данномъ случаѣ мѣстная власть отнеслась скептически къ работамъ партій, признавъ ихъ нарушающими интересы Киргизовъ и вредными для землеустройства всей области. По распоряженію администраціи дѣйствія мѣстныхъ переселенческихъ партій въ настоящее время протѣряются уѣздными начальниками, призванными охранять интересы Киргизовъ. Уѣздные начальники составили какія-то никакими законами не предусмотрѣнные совѣщанія, измѣняющія составленные партією участки, сокращающія ихъ размѣры, тогда какъ эти функціи предоставлены закономъ временнымъ комисіямъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ переселенческихъ чиновниковъ и въ которыя уѣздные начальники входятъ лишь въ качествѣ членовъ. Представители мѣстной власти высказываются за необходимость подробнаго хозяйственно-статистическаго описанія по масштабу изслѣдованій экспедиціи Щербинны, длившихся болѣе 10 лѣтъ. Слышатся внакомыя со стороны черзчуръ рьяныхъ защитниковъ туземцевъ востращиванія, что если не будутъ соблюдены при отводѣ переселенческихъ участковъ всѣ интересы кочевниковъ, то можетъ возникнуть бунтъ среди киргизскаго и туземнаго населенія, а потому надлежитъ принять самыя энергичныя мѣры для закрытія Туркестанскаго края для всякаго переселенія впредь до устройства казаковъ и Киргизовъ въ земельномъ отношеніи и даже перехода послѣднихъ изъ кочевого въ осѣдлый бытъ. Но уже по опыту извѣстно, къ чему ведетъ закрытіе края для переселенія. На бумагѣ Туркестанъ давно закрытъ для переселенія. Въ 90-хъ годахъ примѣнялись мѣры для выдворенія самовольныхъ переселенцевъ, самыя энергич-

ныя, даже пароходы съ самовольными переселенцами возвращались обратно изъ Красноводска. Переселенцы шли и идутъ стихійной массою. Создавать же вновь экспедицію въ родѣ Щербинской, для затяжки на десятки лѣтъ выясненія условій „кочевого быта“—значить искусственно создавать новый тормозъ для устройства какъ туземцевъ, такъ и неустроенныхъ переселенцевъ, тратя на вѣтеръ большія казенныя суммы, которыя истратила пресловутая экспедиція, внесшая страшный сумбуръ во все землеустроительное и переселенческое дѣло нашихъ средне-азиатскихъ степей. Повтореніе подобныхъ изслѣдованій, обѣщающихъ Киргизамъ чудовищныя нормы (до 500 дес. на кибитку), неосуществимыя въ дѣйствительности, могутъ создать то возмущеніе, котораго боятся мѣстные охранители, по съ иной точки зрѣнія. „Благодѣтельное участіе“ уѣздныхъ начальниковъ весьма ярко выразилось въ отводѣ переселенцамъ Чамалганскаго участка въ Бѣренскомъ уѣздѣ. Въ значительной мѣрѣ благодаря тормозящимъ дѣло „особымъ мнѣніямъ“ начальниковъ, этотъ злополучный участокъ, не смотря на согласіе смежныхъ Киргизовъ, не можетъ быть до сихъ поръ переданъ переселенцамъ, хотя онъ запроектованъ въ 1906 году.

На ряду съ такимъ отношеніемъ къ переселенческой организаціи, отношеніемъ, парализующимъ переселеніе, проявляется полная терпимость и даже попустительство по отношенію къ поземельно-податнымъ комисіямъ, состоящимъ изъ мѣстныхъ административныхъ лицъ, занимающихся якобы урегулированіемъ Сартовъ, Киргизовъ и другихъ туземцевъ южнаго Туркестана. Опираясь на ст. 279 и 255 полож. о Туркестанѣ, эти комисіи, въ лицѣ комисаровъ и другихъ чиновниковъ, широкою рукой раздавали туземцамъ дорогія орошенныя земли по самымъ сомнительнымъ даннымъ. Въ будущемъ угрожало полное расхищеніе всѣхъ цѣнныхъ земель Туркестана туземцами. Дѣло дошло до того, что потребовалось

вмѣшательство центральной власти въ лицѣ междувѣдомственной комисіи подѣ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ для пріостановленія дѣйствій мѣстныхъ поземельно-податныхъ комисій. Конечно, туземцамъ, въ видѣ Сартовъ, Киргизовъ и прочихъ „ташкентцевъ“, весьма на руку такое облагодѣтельство ихъ. Каково отразится такая политика на русское населеніе? Въ

какомъ положеніи окажутся русскіе переселенцы, если все будетъ дѣлаться для Сартовъ и Киргизовъ изъ боязни возмущенія ихъ и даже бунта (которымъ далеко не всѣхъ можно испугать), а для устройства ихъ благосостоянія будутъ измышляться все новые и новые тормозы? Когда же, при такой постановкѣ дѣла, при такой борьбѣ между культурными стремленіями съ одной стороны и противодѣйствіемъ имъ съ другой стороны оживутъ наши пока мертвые лесовыя степи Туркестана? Когда будетъ допущено къ нимъ населеніе, которое своимъ трудомъ земледѣльца покроетъ ихъ посѣвами хлѣбовъ, хлопка, винограда и фруктовъ, однимъ словомъ, тѣмъ, что можетъ дать плодороднѣйшая въ мірѣ земля и что уже даетъ жителямъ такихъ поселковъ, какъ Константиновское, Кауфманское и другія изъ русскихъ поселеній?

Солодовъ.

На китайской границѣ.

ИЗЪ СЕМИРѢЧЬЯ.

(Кореспонденція «Новаго Времени»).

«Улита ѣдетъ—когда-то будетъ», этой поговоркой можно охарактеризовать вопросъ о постройкѣ Семирѣченской жел. дор. Нельзя не согласиться, что подготовительныя работы велись добросовѣстно: разныя комисіи подробно обследовали Семирѣченскую область, обсуждали предположенія о направленіи будущей дороги, долженствующей соединить Средне-Азіатскія наши владѣнія съ Сибирью; много было сказано прекрасныхъ словъ по поводу богатствъ Семирѣчья и интересныхъ соображеній относительно подъема культурности этой области,

пребывающей въ настоящее время почти въ полномъ невѣдѣніи тѣхъ широкихъ программъ современной жизни, которыя вошли въ обыкновеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ. Теперь однако о всѣхъ этихъ прекрасныхъ соображеніяхъ и предположеніяхъ что-то замолчали, и только семирѣченскіе обыватели о нихъ вспоминаютъ и загадываютъ о томъ, когда же сбудется все это и ихъ богатый край будетъ пробужденъ къ новой, современной жизни. Всѣ почти начинаютъ сомнѣваться въ возможности постройки въ ближайшемъ будущемъ желѣзной дороги. Также остался невыясненнымъ чрезвычайно важный для всего населенія вопросъ о томъ, гдѣ пройдетъ она, какихъ пунктовъ коснется и какіе обойдетъ. Увѣряютъ даже, что она минуетъ сердце Семирѣченской области и пройдетъ окраинами, по прибалкашскимъ степямъ, чтобы миновать всякія топографическія затрудненія, какія представляются въ горной полосѣ. Семирѣченцы недоумѣваютъ.

Въ резиденціи пріилійскаго даинъ-даюня, Новомъ Суйдунѣ, въ какихъ-нибудь восьмидесяти верстахъ отъ нашей границы, японскіе офицеры обучаютъ китайскихъ солдатъ военному искусству. Нѣкоторые домовладѣльцы въ гор. Вѣрномъ, напуганные дѣятельностью желтолицыхъ сосѣдей и замѣчая полную спячку съ нашей стороны, задумываютъ даже продавать свое недвижимое имущество, чтобы въ случаѣ крайности уѣхать.

Отъѣздъ изъ Кульджи знакомаго со всѣми китайскими дѣлами консула г. Федорова какъ нельзя болѣе на руку китайскимъ властямъ, которые теперь остались безъ надлежащаго наблюденія, тѣмъ болѣе, что нашъ консулъ изъ Урумчи также уѣхалъ въ долгосрочный отпускъ, а временный замѣститель г. Федорова, совершенно неопытный канцеляристъ министерства, едва ли въ состояніи будетъ въ короткое время настолько оріентироваться въ новомъ для него положеніи, чтобы съ пользою стоять на стражѣ русскихъ интересовъ. Впрочемъ эта обязанность какъ будто и не вмѣнена нашимъ консуламъ, по крайней мѣрѣ въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Они такъ завалены чисто судебно-полицейскими обязанностями,

Помощникъ урмійскаго губернатора Медждусъ-Сальтане задумалъ устроить карательную экспедицію противъ грабителей и, получивъ еще зимою 1906 г. необходимое разрѣшеніе, въ іюнѣ 1907 г. началъ наступленіе.

Персамъ пришлось встрѣтить съ самаго начала очень упорное сопротивленіе, и 22 іюня они чуть не были отгнаны окружившими ихъ курдами.

Экспедиція, вѣроятно, достигла бы своихъ результатовъ, если бы совершенно неожиданно на границѣ не появился 18 іюля турецкій отрядъ.

Командиръ Мамедъ-бей-Миралай, не долго думая, перешелъ въ наступленіе и, вторгшись въ Тергеверъ, атаковалъ 3 деревни, занятія персами, и главный лагерь Медждусъ-Сальтане и отступилъ къ Урмію.

Почти все населеніе большой христіанской деревни Меваное, превращенной турками въ штабъ-квартиру, бѣжало въ Урмію и укрылось въ русскомъ консульствѣ въ числѣ до 2,000 человекъ, часть которыхъ до сихъ поръ живетъ еще подъ консульскимъ кровомъ.

Турки заняли затѣмъ небольшими отрядами до десяти селеній въ упомянутыхъ выше горныхъ округахъ и расположились на зимовку. Нѣкоторое время былъ оккупированъ и городокъ Ушну, лежащій на пути между Урміей и Соучъ-Булахомъ, въ предѣлахъ которыхъ расположены оба турецкихъ отряда. Какъ сказано выше, сѣвернымъ командуетъ полковникъ Мамедъ-Али-бей, а южнымъ—Пасвинскимъ, дивизіонный генералъ Мамедъ-Фазылъ-паша..

Мимъ.

„О колонизаціи Туркестана“.

Вопросъ этотъ въ послѣднее время привлекаетъ вниманіе печати. Недавно въ „Нов. Вр.“ нѣкто Сомоловъ, черпающій, очевидно, свои данныя въ одной изъ петербургскихъ канцелярій, констатировалъ неудачу заселенія Туркестанскаго края, и объяснялъ это тѣмъ, что „со всѣхъ сторонъ создается препятствія къ расширенію колонизаціоннаго дѣла какъ со стороны туземцевъ, враждебныхъ (?) русскому пришлому элементу, такъ и со стороны мѣстной администраціи, недовѣрчиво относящейся къ дѣйствию новыхъ переселенческихъ партій“.

Несомнѣнно, что болѣе всего дѣлу этому, да не только этому, а вообще съ широкой точки зрѣнія русскому дѣлу на нашей окраинѣ вредятъ петербургское переселенческое управленіе. Война съ переселенческимъ управленіемъ мѣстной администраціи на почвѣ „переселенческаго вопроса“ объявлена уже давно, ведется энергично и свелась, къ сожалѣнію, на личности. Всѣ ожидаютъ, кто побѣдитъ въ этомъ спорѣ, а дѣло же въ этихъ мелочныхъ личныхъ счетахъ ставится на послѣдній планъ.

Итакъ, препятствія дѣлу въ направленіи дѣятельности переселенческаго управленія—это фактъ. Но какъ можно видѣть, препятствія къ расширенію колонизаціоннаго дѣла въ враждѣ со стороны покорившихъ и мѣрившихъ русскихъ „подданныхъ“—туземцевъ, а тѣмъ болѣе въ противодѣйствіи со стороны администраціи? Это ужъ слишкомъ... Нельзя же называть препятствіемъ со стороны туземцевъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь пассивное нежеланіе ихъ отдавать землю русскимъ, безъ которой не могутъ обойтись туземцы, какъ ровно нельзя назвать препятствіемъ со стороны администраціи желаніе послѣдней, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ случаяхъ, защитить интересы доброжелательно настроенныхъ къ Россіи туземцевъ отъ произвола и насилия со стороны переселенческихъ чиновъ. Съ

другой стороны, нельзя требовать доверчиваго отношенія администраціи къ работѣ молодыхъ (существуютъ 3—4 года) переселенческихъ партій, выразившейся до сихъ поръ единственно въ растратѣ казенныхъ суммъ, какъ въ Семирѣчьи, такъ и въ Сыръ-Дарьинской области и нынѣ выражающейся въ непремѣнномъ стремленіи согнать съ земли нѣсколько десятковъ тысячъ туземцевъ, чтобы на ихъ мѣсто посадить столько же десятковъ тысячъ русскихъ. Законъ допускаетъ изъятіе лишней для туземцевъ земель.

Чамалганское дѣло, на которое „Нов. Врем.“ ссылается, болѣе наглядно, чѣмъ рядъ многихъ другихъ подобныхъ же дѣлъ, доказываетъ, что переселенческая партія намѣревалась изъять отъ туземцевъ лишнюю для нихъ землю, а ту, безъ которой туземцы обойтись не могли бы, и большая заслуга администраціи, что она не допустила совершиться этому возмутительному съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ произволу. Да и вообще нужно хотя бы немного знать край, чтобы вполне уяснить себѣ тотъ, быть можетъ, и печальный фактъ, что свободныхъ, лишнихъ для туземцевъ земель въ Туркестанѣ нѣтъ. Хотя нельзя отрицать и того факта, что вообще земель въ Туркестанѣ сравнительно съ количествомъ его населенія больше, чѣмъ необходимо. На квадратную версту въ Туркестанѣ приходится пять чело-вѣкъ, но квадратную версту земель, годныхъ для сельско-хозяйственныхъ культуръ, приходится 100—135 чело-вѣкъ. Естественно, что русскихъ нужно селить на земляхъ, годныхъ для сельско-хозяйственной культуры, а сдѣлать этого, не изгнавъ туземцевъ на земли негодныя, ясно—невозможно. Почему, спрашивается, понадобилось выселять около 600 туземцевъ съ ихъ земли въ чамалганской волости въ другое мѣсто этой волости для образованія переселенческаго участка. Гораздо проще, законнѣе и справедливѣе было бы образовать участокъ въ томъ мѣстѣ, куда — запроектировано высе-

лить туземцевъ. Но онъ отлично понималъ, что этого сдѣлать невозможно, такъ какъ на такомъ участкѣ русскіе отказались бы селиться, такъ какъ земля, на которую намѣревались выселить киргизъ, для хлѣбопашества не годится. Можно ли было выбрать примѣръ болѣе неудачный? Нельзя понять, почему не стать въ дѣлѣ колонизаціи Туркестана на вполне ясную, справедливую и единственно целесообразную точку зрѣнія. Земель въ Туркестанѣ много, всѣ годныя для сельскаго хозяйства—заняты и густо населены туземцами и имъ необходимы, а потому лишними для нихъ быть не могутъ; следовательно, необходимо не годныя лишнія для туземцевъ земли привести въ годное состояніе и передать русскимъ. Въ годное состояніе можно привести земли Туркестана путемъ ихъ искусственнаго орошенія, дающаго 25 проц. прибыли съ затраченнаго капитала. О чемъ же думать? Надо орошать земли. Нѣтъ средствъ у казны—на частные капиталы. Такое рѣшеніе вопроса, быть можетъ, сложное, чѣмъ пріемъ, нынѣ практикующійся переселенческими партіями и практиковавшійся ранѣе администраціею для „обрусенія“ края и заключающійся въ изгнаніи туземцевъ съ ихъ земель, но что первое рѣшеніе было бы болѣе мудрымъ,—врядъ ли въ этомъ возможно сомнѣваться.

Вопросъ о переселеніи въ Туркестанъ, — первостепенной государственной важности, и, въ виду того, что онъ принятъ совершенно неправильное направленіе, дѣломъ этимъ слѣдовало бы серьеозно заняться Государственной Думѣ, а для этого можно только рекомендовать ей разобрать хотя бы два очень характерныхъ дѣла: Чамалганское и Чимкентское, но разобрать не по однимъ одностороннимъ документамъ переселенческаго управленія, а затребовать всю переписку по этимъ дѣламъ. Изъ нея Дума ясно усмотритъ, какія лишнія земли отбираются у туземцевъ не только переселенческими чинами, но и администраціею (Чимкентское дѣло); усмотритъ Дума и то, какъ земли эти отбираются. Если же Дума

заглянуть въ законы, хоть и очень плохія, то увидитъ, какія земли могутъ быть отбираемы и какъ это должно совершаться.
Русскій.

Къ вопросу о развитіи шелководства въ Туркестанѣ.

Плохое качество продаваемой населенію грену; необходимость введенія контроля грену и другихъ мѣръ къ улучшенію производства.

Хроническое недомоганіе, въ которомъ уже давно пребываетъ наше средне-азіатское шелководство, заставляетъ подумать о необходимости принятія мѣръ, направленныхъ съ одной стороны къ развитію на мѣстѣ целлюлярнаго гренажа, съ другой — къ развитію филатурнаго и шелкоткацкаго дѣла, способныхъ поднять на значительную высоту цѣны средне-азіатскаго шелка.

Но и тому и другому должна предшествовать уже однажды испробованная въ Туркестанѣ и давшая блестящіе результаты мѣра. Мѣрой этой является обязательный контроль, т. е. изслѣдованіе на безболѣзненность всей предъявляемой къ продажѣ грену, какъ заграничнаго, такъ и мѣстнаго происхожденія, которой край получаетъ около 1.800—2.100 тыс. золотниковъ ежегодно. Для осуществленія контроля имѣется уже и учрежденіе, анализирующее грену, въ г. Самаркандѣ, въ видѣ «контрольной для грену станціи», — но отсутствіе закона объ обязательномъ контролѣ грену обрекаетъ его на контроль факультативный.

Турція, Венгрія, Болгарія, Италія и др. государства, заинтересованныя развитіемъ своего шелководства, уже давно издали законъ, которымъ въ предѣлахъ ихъ границъ допускается къ обращенію только целлюлярная гrena, обязательно проверенная на правительственныхъ контрольных станціяхъ. Мало того, Турція не только ввела обязательный контроль грену, но и установила еще, что гренажемъ можетъ заниматься только лицо, имѣющее соотвѣтственный дипломъ.

У насъ въ Туркестанѣ гренажемъ за-

нимаются любители легкой наживы, сарты и бухарскіе евреи, которые, производя грену самымъ примитивнымъ путемъ, не всегда даже пользуясь для этого здоровой греной, пускаютъ грену своего производства въ продажу, какъ целлюлярную. Довѣрчивое, безграмотное, туземное населеніе, соблазняясь красивой этикеткой коробокъ покупаетъ эту негодную, въ большинствѣ случаевъ, сильно зараженную грену, и оживляетъ, кормитъ, расходуетъ трудъ и деньги, а въ результатѣ получаетъ съ золотника грену 4 ф. коконовъ вмѣсто 24. Но и изъ заграницы къ намъ, наряду съ хорошей, попадаетъ гrena зараженная, не лучше только что описанной. Ходатайствуя въ 1905 г. передъ представителями власти о введеніи обязательнаго контроля, мѣстные гренеры и торговцы заграничною греной, какъ одинъ изъ мотивовъ своей просьбы, приводили слѣдующее соображеніе: въ краѣ оживляется около 1.500 тыс. золотниковъ грену¹⁾, изъ которыхъ треть зараженной. Эти 500 тыс. золотниковъ способны дать не болѣе 50 тыс. пуд. коконовъ вмѣсто 300 тыс. пуд.; слѣдовательно, населеніе не добываетъ громадное количество продукта. Безъ всякаго преувеличенія, говорятъ они, этотъ недоборъ можно опредѣлить въ 150 т. пуд. коконовъ, на сумму болѣе 2 милл. руб. ежегодно. По другому источнику эта сумма превышаетъ 2,5 милл. въ годъ, а за десять лѣтъ 25 милл. руб. Только обязательный контроль грену могъ бы, оградивъ населеніе отъ хищничества, устранить это явленіе.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ много теряетъ населеніе, вслѣдствіе плохой постановки дѣла. Такъ, за привозную грену оно уплачиваетъ $\frac{1}{2}$ милл. ежегодно въ пользу Турціи и Франціи, на плохого качества гренѣ теряетъ въ годъ 2—2½ милл. руб. На плохой размоткѣ коконовъ теряетъ миллионы, и т. д. Желая хоть сколько нибудь упорядочить наше туркестанское шелководство съѣздъ знатоковъ этого дѣла въ 1905 г. и совѣщаніе въ 1907 г. въ Самаркандѣ пришли къ слѣдующимъ выводамъ. Необходимо:

Раскопки въ китайскомъ Туркестанѣ.

По словамъ *Journal des Débats*, въ послѣднія 5—6 лѣтъ вблизи Кашгара (по рѣкѣ Тариму и озеру Лобъ-Норъ, къ востоку отъ Памира) нѣмецкими учеными Грюнведемъ и Лебокомъ сдѣланы важныя открытія, нѣсколько выясняющія таинственную исторію Туркестана, издавна служившаго центромъ торговыхъ и культурныхъ сношеній Китая, Индіи и Ирана.

Оказывается, что еще въ III—VIII вв. по Р. Х. здѣсь были богатые города, расположенные по большой дорогѣ изъ Китая въ царство Парѣанское, а затѣмъ Новоперсидское (при Сассанидахъ). Въ VIII в. они были разрушены монголами. Въ какіе-нибудь полъ-вѣка цвѣтущая страна обратилась въ песчаную пустыню, населенную ордами кочевниковъ

съ ихъ стадами. По случію пессокъ, уничтожившій, казалось, навсегда памятники средне-азиатской культуры, сохранилъ ихъ въ цѣлости въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ. Упомянутыми изслѣдователями раскопаны цѣлые города съ великолѣпными храмами и дворцами. Ихъ стѣны сплошь покрыты удивительно сохранившимися фресками, изображающими цѣлыя картины изъ религіозной жизни буддистовъ и портреты ихъ вельможъ, по покрою платья и вооруженію сильно напоминающихъ средне-вѣковыхъ рыцарей Запада. Найдены также рисунки на деревѣ и на шелку иногда съ подписями на индо-скинскомъ языкѣ; деревянныхъ и глиняныхъ изваяній въ индійскомъ стилѣ, впрочемъ, съ сильной примѣсью вліяній китайскаго и иранскаго; обломковъ и осколковъ посуды, предметовъ туалета, древнихъ монетъ, льняныхъ и шелковыхъ тканей

и даже стакановъ. Замѣчательно, что тѣла буддійскихъ монаховъ, убитыхъ монголами, сохранились подъ песчанымъ покровомъ на подобіе египетскихъ мумій.

Почти всѣ найденные предметы временно помѣщены въ Берлинскомъ этнографическомъ музеѣ. Впослѣдствіи для нихъ предполагается соорудить особый Азіатскій музей. Цѣлая ученая коммиссія занята разборомъ этихъ древнихъ памятниковъ, изобилующихъ надписями на семи языкахъ. Хотя эта трудная работа еще не закончена, можно сдѣлать уже нѣкоторые выводы. Они касаются, главнымъ образомъ, вопроса объ индійскомъ происхожденіи буддійскаго ваянія въ Китаѣ и Японіи. До сихъ поръ казалось необъяснимымъ высокое благородство китайскихъ статуй, которыя даже по изяществу складокъ своей одежды напоминаютъ лучшія произведенія классическаго искусства. Но могли ли его образцы черезъ всю Азію дойти до береговъ Великаго океана? Раскопки Грюнведела и Лебока даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Китайское искусство сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ индійскаго. Но послѣднее проникло въ Китай не непосредственно, а черезъ Туркестанъ, гдѣ оно подверглось первой переработкѣ.

Послѣднія открытія даютъ научное основаніе для изученія китайской и японской скульптуры, которымъ теперь занятъ французскій ученый Шаваннъ.

Къ вопросу о колонизаціи Туркестана.

Необозримыя пространства туркестанскихъ степей давно обратили на себя вниманіе правительства, какъ мѣста для водворенія избыточнаго населенія центра, а довольно удачное устройство водворенныхъ по иници-

тивъ мѣстной администраціи переселенцевъ (преимущественно въ Ташкентскомъ, Аулиеатинскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области) вскорѣ же стало предметомъ зависти для оставшихся въ тѣснотѣ центра ихъ родичей и земляковъ, въ виду чего въ крестьянскихъ массахъ внутреннихъ губерній создавалось представленіе о Туркестанѣ, какъ благодатной странѣ съ молочными рѣками при кисельныхъ берегахъ.

Молва о Туркестанскомъ раздольѣ была среди крестьянства такъ упорна, что трудности и дороговизна пути по Каспію и Среднеазиатской дорогѣ или же на телѣгахъ черезъ обиженные Богомъ при-аральскія пустыни не задерживали искателей земли и лучшей жизни.

Однако, этихъ искателей ожидало горькое разочарованіе, какъ только они прибывали въ Ташкентъ послѣ утомительнаго пути, исхарчивъ всю свою денежную наличность: особой переселенческой организаціи въ краѣ не было, дѣломъ вѣдала общая администрація, которая была безсилна помочь новоприбывшимъ, такъ какъ для образованія новыхъ селеній не находилось пригодныхъ земель, а прежде образованные селенія были давно переполнены прибывшими раньше пришельцами.

Послѣ довольно долгихъ мытарствъ, искателямъ земли приходилось избрать одинъ изъ слѣдующихъ путей: или вернуться домой „не солоно хлебавши“ — но на это надобны средства, а они давно истрачены, — или двинуться въ Семирѣчье, — но тамъ ихъ ожидало такое же разочарованіе, да и средства тоже необходимы, — или арендовать землю у аборигеновъ, преимущественно киргизъ, — но на поиски такой земли нужно время и опять таки средства, — или, наконецъ, распродавъ свой инвентарь и скарбъ,

пополнить кадры городского пролетариата въ качествѣ чернорабочихъ, прислуги и мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Всѣ эти пути — незавидны и такъ далеки отъ мечтаній о молочныхъ рѣкахъ. Лишь сотни 2—3 семействъ смѣльчаковъ нашли болѣе удобный исходъ: вопреки категорическому запрещенію администраціи они осѣли въ Кугартской долинѣ (Ферганская область) на черной, Киргизской землѣ, обстроились, обзавелись хозяйствомъ и уже года черезъ 3—4 достигли значительнаго благосостоянія.

Примѣръ кугартскихъ поселенцевъ оказался заразительнымъ и нашелъ себѣ подражателей, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ движенія по Оренбургъ-Ташкентской дорогѣ, сократившей, облегчившей и удешевившей путь въ Туркестанъ, наплывъ все новыхъ и новыхъ партій переселенцевъ превзошелъ всякія ожиданія.

Администрація была захвачена врасплохъ и потеряла голову. Земель, годныхъ подъ поселеніе и свободныхъ отъ пользованія аборигеновъ, — все нѣтъ и нѣтъ, а между тѣмъ надо же какъ нибудь устроить пріѣхавшій издалика бѣдный людъ и не допустить его селиться „явочнымъ порядкомъ“ на чужой землѣ по примѣру кугартцевъ: среди киргизъ замѣчалось недовольство, грозившее принять опасные размѣры. Другого

выхода, какъ объявить край закрытымъ для движенія переселенцевъ, найти было нельзя; но эти официальные объявленія во-первыхъ не скоро доходятъ до крестьянъ, а во-вторыхъ, доходя, не въ силахъ побѣдить всесильную вѣру въ русскій „авось“. Это закрытіе, избавивъ администрацію отъ формальной ответственности, какъ и слѣдовало ожидать, наплывъ переселенцевъ сократило лишь въ слабой мѣрѣ. Рѣшено предоставить пришельцевъ ихъ

собственной участи, ограничившись лишь принятием мѣръ къ предупрежденію самовольныхъ осѣданій на чужихъ земляхъ.

Тѣмъ временемъ подошла земельная неразбериха 1905—6 годовъ. Правительство выступило со своей аграрной программой, въ которой переселенію изъ центра на окраины отведена весьма почетная роль, и вспомнивъ о необозримыхъ пространствахъ земель въ Туркестанѣ, организовало въ концѣ 1905 года особый Сыр-Дарьинскій переселенческій районъ.

Такимъ образомъ, и специальная переселенческая организація, правда, слишкомъ зависимая отъ высшей мѣстной администраціи, появилась, и кадры переселенцевъ, несмотря на закрытіе края для переселенія, все увеличивались и увеличивались, недоставало самаго „пустыка“—земли для водворенія переселенцевъ.

Земель, и совершенно свободныхъ, въ Туркестанѣ—больше чѣмъ слѣдуетъ, о чемъ достаточно краснорѣчиво говоритъ географическая карта даже гимназистамъ IV класса. Но ихъ въ то же время и нѣтъ. Это странное явленіе объясняется просто: всѣ земли края находятся въ неотъемлемомъ пользованіи туземцевъ-киргизъ и лишь тѣ земли, которыя не нужны для обезпеченія ихъ быта, замежеваются за казною. Въ правовомъ государствѣ и недопустимъ другой порядокъ, настойчиво рекомендуемый нѣкоторыми органами печати. Но вся бѣда въ томъ, что и межеваніе земель, и опредѣленіе степени необходимости ихъ для мѣстнаго населенія поставлено въ Туркестанѣ до крайности ненормально.

Дѣло это находится въ рукахъ такъ называемыхъ поземельно-податныхъ комиссій, дѣятельности которыхъ почти годъ тому назадъ, по почину *Нов. Вр.*, наша печать удѣлила такъ много вниманія,

что я буду кратокъ. Поставленные въ чрезвычайъ большую зависимость отъ низшей мѣстной администраціи, уѣздной, нестѣсненные въ своей дѣятельности прочными, детально и продуманно выработанными законодательными нормами и избавленные отъ всякаго контроля—эти комиссіи, по своей ли безконечной гуманности или по другимъ побужденіямъ, болѣе утилитарнаго свойства, оказались такъ щедры къ туземцамъ, что бывали случаи отвода по 200 и болѣе десятинъ въ среднемъ на мужскую душу! Казнѣ же систематически доставались „рожки да ножки“: солончаки, голыя скалы и выжженные южнымъ солнцемъ пустыри, словомъ, дѣйствительно „ненужныя“ ни туземцамъ и никому вообще земли.

Короче говоря—туземцы были обласканы комиссіями за счетъ казны, а комиссіи обласканы туземцами за тотъ же счетъ, и все потому, что слово „ненужныя земли“ было понято буквально, и въ теченіе десятковъ лѣтъ, до прошлогодней газетной травли, никто не позаботился разъяснить истинный, законный смыслъ этого слова.. Да оно впрочемъ и понятно: вѣдь работа комиссій была поставлена виѣ всякаго контроля.

Впрочемъ, внесу въ только-что сказанное нѣкоторую поправку: дѣятельность комиссій давно служила предметомъ препирательствъ между стоявшей за нихъ горою мѣстной администраціи и Министерствомъ Земледѣлія, имѣвшимъ данныя думать, что въ ней, этой дѣятельности, не все обстоитъ благополучно. Правда, замѣчанія М-ва далеко не равносильны контролю, но все же къ нимъ прислушались и внесли крупную „реформу“: въ многоголовыя комиссіи, находящіяся подъ всецѣлымъ вліяніемъ уѣздныхъ начальниковъ (должность, соотвѣтствующая русскому исправнику, но съ значительно болѣе

широкими функциями), введенъ, какъ непремѣнный членъ, чинъ М-ва Земледѣлія. Реформа эта, конечно, не могла удовлетворить М-во, и нападки съ его стороны, продолжаясь, привели къ тому, что почтенную дѣятельность комиссій администрація почти повсемѣстно пріостановила, и даже начали циркулировать слухи о полномъ упраздненіи поземельно-податныхъ комиссій.

Послѣ прошлогодней травли въ газетахъ, эти слухи были близки къ осуществленію: вопросъ былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ; но бывшій тогда туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ ген.-ад. Гродековъ взялъ комиссіи подъ свое покровительство, отстоялъ для нихъ право существованія и даже „на зло надменному сосѣду“ возобновилъ кое-гдѣ съ весны этого года ихъ дѣятельность. Пока нѣтъ данныхъ судить, встрѣтятъ ли комиссіи такого же горячаго апологета въ лицѣ новаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Мищенко, но думается, что производящаяся въ краѣ сенаторская ревизія прольетъ столько свѣта на дѣятельность этихъ учреждений, что дальнѣйшее ихъ существованіе станетъ невозможнымъ.

Несмотря на благожелательное отношеніе высшей въ краѣ власти къ дѣятельности поземельно-податныхъ комиссій, неизбежность рано или поздно ея поворота въ другое русло, болѣе соответствующее общегосударственнымъ пользамъ, чувствовалась давно и была своевременно учтена и великолѣпно использована нѣкоторыми сообразительными туземцами.

Земель для водворенія переселенцевъ, какъ было выше упомянуто, ко времени учрежденія въ Туркестанѣ особаго переселенческаго района не оказалось, точнѣе—оказалось до обиднаго мало, а между тѣмъ надо

же показать видъ, что переселенческіе чины дѣлаютъ дѣло—иначе новоспеченный районъ могутъ упразднить. Завѣдомо казенныя земли, какъ напр. Голодная Степь, нуждаются въ предварительныхъ ирригаціонныхъ работахъ, по своей грандіозности требующихъ много денегъ и много времени, а „дѣло“ надо выдумать немедленно. На выручку явилась идея использовать для колонизаціи т. наз. богарныя земли, тѣмъ болѣе, что и климатъ въ этихъ мѣстностяхъ ближе къ русскому; но и на такія земли поземельно-податныя комиссіи для казны поспешили, зашежевавъ ей именно „рожки да ножки“.

Однако, и здѣсь явилась переселенческимъ чинамъ, жившимъ все время подъ угрозой упраздненія, совершенно неожиданная подмога: горя желаніемъ прійти на помощь государству въ дѣлѣ колонизаціи края русскимъ элементомъ, киргизы многихъ ауловъ Чимкентскаго уѣзда предложили черезъ мѣстнаго уѣзднаго начальника мѣстному переселенческому управленію *купить* у нихъ избыточные земли по дешевкѣ—отъ 1 до 5 руб. за десятину... „Ходъ“ былъ задуманъ тонко: переломъ въ дѣятельности поземельно-податныхъ комиссій висѣлъ въ воздухѣ, а при осуществленіи его излишнія земли все равно отберутъ въ казну задаромъ,—отчего заблаговременно не продать ихъ за деньги, хотя бы и по дешевкѣ?

Завѣдывавшій тогда переселенческимъ райономъ г. Арцишевскій не понялъ этого хода или изъ-за желанія найти во что бы то ни стало „дѣло“ для себя и для своихъ коллегъ, или, вѣрнѣе, по незнакомству со всѣми „тонкостями“ окраинной жизни и окраиннаго управленія.

Возбуждено соответствующее ходатайство передъ Петербургомъ, ко-

торое, послѣ истребленія положеннаго на такіе случаи количества бумаги, было удовлетворено, соответствующіе кредиты въ (1907 году 120 тыс., а въ 1908—кажется немного больше)—ассигнованы, и пошла подъ наблюдениемъ уѣзднаго начальника скупка казною земель, которыя должны были перейти къ ней даромъ... Ну, а затѣмъ, полагается, переселенческіе чины принялись подготавливать эти земли подъ водвореніе съемкой на планы.

Тутъ обнаружилось, что хитрые киргизы продали именно „ненужныя“ земли: ходоки-переселенцы большинство этихъ покупокъ забраксвали, а если нѣкоторые участки и облюбованы ими, то только лишь по поговоркѣ „на бзрыбѣ — и ракъ рыба“. Гдѣ были глаза у покупателя — неизвѣстно.

Такъ протекаетъ въ спорадическихъ поискахъ „дѣла“ дѣятельность Сыръ-Дарьинской переселенческой организаціи подъ постояннымъ страхомъ упраздненія. Въ потемкахъ ищетъ она того „пустяка“, земли, котораго только и не хватаетъ для „правильной“ постановки дѣла колонизаціи края.

Правда, есть въ ней двѣ отрасли, дѣлающія конкретное дѣло, не избрѣтенное и не въ ковычкахъ: гидро-техническая партія, готовящая оросительныя сѣти на завѣдомо казенныхъ участкахъ, и статистическая, производящая обследованіе быта туземцевъ съ цѣлью выработки нормъ земельного надѣла, отвѣчающихъ ихъ потребностямъ, чтобы потомъ, при межеваніи, отвести имъ столько земель, сколько имъ нужно, а излишки обратить въ государственнѣй земельный фондъ. Третью партію, агрономическую, можно бы обойти молчаніемъ, ибо ея отвлеченная работа окажетъ практическую пользу развѣ лишь въ далекомъ буду-

щемъ. Но всѣ эти три партіи съ чисто переселенческимъ дѣломъ пока имѣютъ такъ мало общаго, что могли бы работать самостоятельно, а статистическая даже и *должна* работать именно самостоятельно, ибо, состоя при переселенческой организаціи, она никогда не избавится отъ упрековъ въ односторонности и тенденціонности своихъ работъ, тогда какъ статистическія обследованія, по самой сути своей, требуютъ самой строгой объективности и самой широкой всесторонности. Такъ именно были поставлены лучшія изъ нашихъ статистическихъ обследованій—Щербинны.

Какъ дѣлаютъ свое дѣло эти партіи—вопросъ сложный; можно сказать одно: всѣ хромаютъ въ отношеніи личнаго состава. Технически подготовленныхъ ирригаторовъ у насъ вообще слишкомъ мало, а знакомыхъ съ особенностями туркестанской оро-и гидрографіи—и вовсе нѣтъ, а потому работающіе въ партіи техники только *учатся* дѣлу. Статистическая же и агрономическая партіи страдаютъ непонятнымъ и нежелательнымъ по существу работъ преобладаніемъ пришлаго элемента надъ мѣстнымъ.

Итакъ, дѣлая окончательный выводъ, придется сказать, что переселенческая организація въ Туркестанѣ—одна бутафорія и останется таковой до тѣхъ поръ, пока въ ея распоряженіи не будетъ того „пустяка“, о которомъ говорилось два раза.

А онъ не будетъ въ ея распоряженіи до тѣхъ поръ, пока статистическія изслѣдованія не дадутъ возможности выработать земельныя нормы для туземцевъ и пока, согласно этимъ нормамъ, болѣе компетентными учрежденіями, чѣмъ подлежащія немедленному упраздненію поземельно-податныя комиссіи, не будутъ произ-

ведены отводы въ натурѣ съ составленіемъ плановъ и отводныхъ записей, а излишки—обращены въ государственный фондъ.

Въ состояніи ли мы тратить огромныя деньги на бутафорію—предоставляю рѣшить тѣмъ, „кому сіе вѣдать надлежитъ“.

ЕГО.

Ревизія гр. Палена.

Сенаторская ревизія гр. Палена неоспоримо доказала уже, что въ административномъ быту Туркестантскаго края и Закаспійской области ташкентскіе нравы сохраняются твердо и прочно. И мудро не сохраняться, когда только сенаторская ревизія вытаскиваетъ изъ этого стоячаго болота на свѣтъ для судебного воздаянія героевъ лихоимства и казнокрадства. Ниже, въ отдѣлѣ „Провинція“, приводится разительный примѣръ слѣпоты, проявленной мѣстнымъ высшимъ начальствомъ, когда ему пришлось разбираться въ жалобахъ обывателей на подвиги отчаяннаго лихоимца и взяточника, мервскаго пристава Кутателадзе, выдающагося даже среди и ташкентцевъ. Ни правитель канцеляріи ген.-губернатора, ни начальникъ Закаспійской области, ни генераль-губернаторъ не нашли никакихъ провинностей за Кутателадзе и не повѣрили жалобамъ обиравемыхъ мервцевъ. А ревизующій сенаторъ немедленно уволилъ лихого ташкентца отъ службы и предалъ его суду, при чемъ составилъ такой кондуитъ, что руками надо развести, куда глядѣло начальство?

Ревизія гр. Палена только еще началась, а уже выяснилась картины поразительнаго казнокрадства, взяточничества и лихоимства. Клубокъ подвиговъ ташкентцевъ только еще разматывается, и остается надѣяться, что въ рукахъ сенаторской ревизіи окажется и останется аріадина нить къ самому центру ташкентскаго лабиринта...

Результаты ревизіи гр. Палена.

Съ тѣхъ поръ, какъ „Новая Русь“, а за ней и другія газеты стали перепечатывать изъ „Туркест. Вѣдом.“ постановленія ревизующаго сенатора гр. Палена о преданіяхъ суду ташкентскихъ хищниковъ и лихоимцевъ, въ ташкентской официальной газетѣ вдругъ, почему-то, прекратилось печатаніе этой любопытнѣйшей служебной хроники. Повидимому, найдено было неудобнымъ дальнѣйшее „усиленіе впечатлѣнія“...

Ревизія, конечно, продолжала свое дезинфекціонное дѣло и въ сегодняшней телеграммѣ изъ Ташкента находимъ сухой, но многоговорящій перечень лихоимцевъ, отданныхъ гр. Паленомъ подъ судъ: всего десятокъ. За отсутствіемъ въ телеграммѣ именъ нельзя судить — добавочный-ли это списокъ къ прежде появившимся извѣстіямъ, или окончательный итогъ.

Заслуживаетъ вниманія, какихъ разнообразныхъ вѣдомствъ оказались лихоимцы и служебные преступники. Полиція, конечно, на первомъ планѣ, но въ компанію попали и техники по горной части, и топографъ, и учитель русско-туземной школы. Гр. Паленъ выѣхалъ со своими чиновниками въ Петербургъ, и вѣроятно здѣсь, по сношенію съ центральными заинтересованными вѣдомствами, будутъ рѣшены нѣкоторые возникшіе при ревизіи вопросы.

Опубликованіе данныхъ ревизіи гр. Палена весьма желательно. Первый разоблаченія этого рода произвели сильное освѣжающее впечатлѣніе. Да и какіе, собственно, основательные мотивы могутъ быть къ тому, чтобы скрывать открытія ревизіи?

тивъ Россіи, Англіи не впервые приходится мѣряться силами. Въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія индо-оританская армія вторглась въ Афганистанъ, но потерпѣла разгромъ столь жестокой, что надолго, до конца восьмидесятыхъ годовъ, отказалась отъ завоевательныхъ плановъ въ этой части Азіи.

Весною 1878 года, когда въ отвѣтъ на англійскія приготовленія къ войнѣ съ нами, была отправлена въ Кабуль миссія генерала Столѣтова, индо-британское правительство двинуло 40-тысячную армію въ Афганистанъ. Эта экспедиція оказалась гораздо болѣе успешной и завершилась Раванъ-Пиндскимъ миромъ, подчинившамъ Афганистанъ исключительному вліянію Великобританской политики въ Азіи.

Съ тѣхъ поръ англичане всѣми мѣрами заботились объ упроченіи вассальной зависимости Афганистана и объ установленіи нейтральной полосы, охраняющей Индію, т. е., вѣрнѣе, охраняющей Афганистанъ отъ Россіи, держащей въ своихъ рукахъ Мервъ. Последнее англо-русское разграниченіе произошло въ 1895 году, а съ прошлаго года существуетъ англо-русское соглашеніе, по которому ни одна изъ договорившихся сторонъ не можетъ предпринимать что-либо въ Афганистанѣ безъ вѣдома другой.

Берлинская печать считаетъ, что основаніемъ для вторженія афганцевъ въ Индію послужило недовольство афганскаго эмира англо-русскимъ соглашеніемъ.

Ташкентъ. Переселеніе и переселенцы. (корр. „Окраины Россіи“. Вопросъ о колонизаціи Туркестана вообще и Семирѣчья въ особенности получилъ въ глазахъ многихъ совершенно неправильное освѣщеніе. Не взирая на всѣ разъясненія этого вопроса въ печати и даже въ думской комиссіи, нѣкоторыя газеты и правительственныя учрежденія упорно отстаиваютъ тотъ взглядъ, будто бы здѣсь, въ Туркестанѣ, мѣстныя власти ревниво оберегаютъ край отъ проникновенія въ него русскихъ переселенцевъ. Такъ ли это? Сущность дѣла сводится къ тому, что на берегахъ Невы, положительно не могутъ, а можетъ быть и не желаютъ, понять главнаго положенія вещей, что, несмотря на необъятныя пространства земель Туркестана и ничтожное количество сра-

внительно съ этими пространствами туземнаго населенія, все же фактъ остается фактомъ: въ настоящій моментъ свободныхъ, годныхъ для цѣлей колонизаціи, земель въ Туркестанѣ нѣтъ. Однако это еще совершенно не означаетъ, что такихъ земель и быть не можетъ. Напротивъ, какъ мѣстныя административныя власти, такъ равно и руководитель переселенческимъ дѣломъ въ край г. Пильцъ категорически утверждаютъ (г. Пильцъ, между прочимъ, заявилъ объ этомъ въ Думской комиссіи), что въ Туркестанѣ можетъ быть и долженъ быть созданъ громадный колонизаціонный фондъ, могущій достигнуть милліоновъ десятинъ земли, годной для русскихъ переселенцевъ, но только не тѣмъ порядкомъ и способомъ, какой примѣнялся на мѣстахъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, утверждать, что кто-то здѣсь стремится „провалить“ русское переселенческое дѣло — по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно. Нельзя, однако, отрицать и оказываемаго на мѣстахъ чинами администраціи сопротивленія существующей переселенческой политикѣ Петербургскихъ кабинетовъ, и если переселенческое дѣло въ Туркестанѣ окончательно не затормозилось изъ за недоразумѣній въ ведомствѣ административнаго и переселенческаго, что было бы весьма печальнымъ явленіемъ, то этимъ Россія всецѣло обязана энергіи и тому исключительному положенію, въ которое сумѣлъ себя поставить въ Туркестанѣ представитель въ ведомства землеустройства какъ въ отношеніи администраціи края, такъ и въ отношеніи Петербурга.

Я не знаю, къ какому заключенію по дѣлу о переселеніи въ край пришелъ командированный въ Туркестанъ членъ совѣта Главнoуправляющаго Землеустройствомъ г. Шульцъ, но надо полагать, что другого взгляда на дѣло, чѣмъ тотъ, который мною высказанъ выше, сложиться не могло и у него, если только г. Шульцъ успѣлъ за время своей поѣздки достаточно вникнуть въ суть вопроса.

Условія земледѣлія въ Туркестанѣ совершенно инныя, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, куда направляется переселеніе. Во всѣхъ областяхъ края правильное и устойчивое земледѣльческое хозяйство возможно только при условіи искусственнаго орошенія, посѣвы же подъ дождь здѣсь являются лишь подспорьемъ къ основному поливному хозяйству, отсюда совершенно очевидно, что вопросъ объ устройствѣ переселенцевъ заключается не только въ томъ, чтобы найти свободныя земли, а въ томъ, чтобы эти свободныя земли были орошены, или по крайней мѣрѣ имѣлась бы возможность ихъ оросить.

Хотя законъ, существующій для Семирѣчья и проектируемый для остальныхъ областей края, допускаетъ изъятіе излишнихъ для кочевниковъ земель (всѣ земли края находятся въ пользованіи туземцевъ) для нуждъ переселенія, но ясно и то, что земли, на которыхъ трудомъ и затратами туземцевъ устроено искусственное орошеніе, не могутъ быть для нихъ излишними, такъ какъ орошенныхъ земель въ краѣ не имѣется больше того количества, которое необходимо для обезпеченія быта пользующихся этими землями туземцевъ. Получается такая картина, что вся поливная земля Туркестана, годная для сельскаго хозяйства, необходима туземцамъ. Земли же неполивныя (богара), дающія урожай подъ дождь, въ предгорьяхъ, въ статистическомъ, физическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ не обследованы, почему устройство переселенцевъ на такихъ земляхъ, предпріятіе довольно таки рискованное. Вотъ почему вся исторія устройства въ краѣ русскихъ поселеній, въ сущности говоря, исторія того негласнаго давленія администраціи, а вѣтъмъ и чиновъ переселенческой партіи, которое вынуждало туземцевъ отказываться отъ своихъ несомнѣнныхъ правъ на тотъ или иной участокъ орошенныхъ туземцами земель въ пользу переселенцевъ. Такіе приемы, еще недавно сравнительно легко приводившіе къ цѣли съ каждымъ днемъ и по мѣрѣ роста переселенія дѣлаются все затруднительнѣе. Населеніе начинаетъ болѣе сознательно относиться къ своимъ правамъ на землю, начинаетъ понимать все беззаконіе такого рѣшенія переселенческаго вопроса, протестовать противъ насилія, зачастую отвѣчая на насиліе власти активнымъ сопротивленіемъ, враждою къ переселенцамъ, доходящей до вооруженныхъ стычекъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ острѣе, тѣмъ серьезнѣе вопросы эти будутъ разрѣшаться. Такое положеніе вещей нужно понять и всѣми мѣрами предупредить дальнѣйшій разгаръ ненависти къ Россіи со стороны туземцевъ, которая, къ счастью, пока проявляется лишь вспышками. Мудрость государственная подсказываетъ необходимость гасить такія вспышки, а не подкладывать порохъ въ огонь. Но Петербургъ на такую точку зрѣнія стать не желаетъ. И если онъ и въ будущемъ отъ своихъ заблужденій не откажется, то неминуемо подготовитъ ужасныя послѣдствія русскому дѣлу на окраинѣ, которыхъ, очевидно, самъ хорошо не сознаетъ.

Единственный серьезный и разумный путь, на которомъ заботы о колонизаціи края могутъ дать прочные результаты, это обратиться къ изысканію земли *дѣйствительно „излишней“* для мѣстнаго населенія, а такъ какъ земля такая можетъ быть лишь неполивною, или богарною и въ виду того, что неполивныя земли для сельскаго хозяйства негодны, а богара мало изслѣ-

дована, необходимо первыя земли оросить, вторыя — слѣдовать и потомъ только заселять русскими. Такое рѣшеніе вопроса не будетъ нарушать интересовъ киргизовъ и достигнетъ, безъ возбужденія туземцевъ, цѣли упроченія русской власти путемъ заселенія края русскими. Особыя условія края создаютъ и особыя условія переселенія.

Если возможно переселять въ другія области нашихъ окраинъ всякаго нуждающагося въ землѣ и давать ему тамъ землю не только бесплатно, но и оказывать нѣкоторое пособіе на обзаведеніе, то дѣлать этого въ Туркестанѣ совершенно не приходится. И дѣйствительно, для созданія въ Туркестанѣ колонизаціоннаго фонда необходимы колоссальныя затраты на устройство искусственнаго орошенія земель. Естественно, что правительство не можетъ нести такихъ расходовъ на переселеніе *безвозвратно*. Отсюда является необходимость надѣлать поливными землями переселенцевъ, съ условіемъ возврата затраченнаго на орошеніе капитала, и взимать извѣстную плату, или подать за право пользованія водою. Доходъ этотъ долженъ поступать на возмѣщеніе расходовъ по ремонту ирригаціонныхъ сооруженій. На поливныхъ земляхъ должна вестись самая интенсивная высшая сельскохозяйственная культура, единственно окупающая затраты на орошеніе. Все это вмѣстѣ взятое говоритъ за то, что невозможно поливную землю передавать обыкновенному, незнакому съ высшей культурою переселенцу. Надо, значитъ, не переселять въ край *кого попало*, какъ это нынѣ практикуется, а колонизировать его элементомъ, годнымъ для Туркестана, а не случайнымъ. Но это слишкомъ тонкая и сложная работа для такой неуклюжей и тяжелой машины, какъ наша бюрократическая, особенно петербургскихъ канцелярій, да и нужныхъ денегъ на орошеніе у правительства не найдется. Вотъ почему частная или общественная инициатива въ дѣлѣ колонизаціи Туркестана должна сыграть гораздо большую роль, чѣмъ можетъ это сдѣлать „переселенческая нянька.“ Самое большее, что можно ей поручить—это найти землю, лишнюю для туземцевъ, а частнымъ предпринимателямъ или обществамъ разрѣшить оросить ее для цѣлей колонизаціи края русскими людьми, могущими за извѣстную плату сначала предпринимателю, а затѣмъ казнѣ получать землю, годную для высшаго сельскаго хозяйства. Естественно, что по истеченіи извѣстнаго срока ирригаціонныя сооруженія, оборудованныя на частные капиталы, должны поступать въ собственность казны, или тѣхъ обществъ, которыя отъ переселенія образуются на орошенныхъ земляхъ.

Русскій.